

**Репрезентация отношения между человеком и *другим/животным*
в рассказах Светланы Василенко *Суслик* и *Хрюша***

Суви Табелл

Университет г. Тампере

Институт современных языков, культура и переводоведения

Кандидатская работа

Февраль 2019

Содержание

1. Введение	3
1.2. Светлана Василенко	3
1.3. Тема животного в творчестве С. Василенко	4
1.4. Рассказы, выбранные для анализа	4
1.5. Исследовательские вопросы и подходы	5
2. Теоретическая рамка и ее увязка с целями работы	5
2.1. Исследование животных в литературе	6
2.2. Различие животного и дуализм человек—животное	7
2.2.1. Животное — Другой	7
2.3. Репрезентация	8
2.3.1. Животные символы	9
2.3.2. Антропоморфизм	10
2.4. К анализу рассказов	11
3. Аналитическая часть	12
3.1. Животное чтение рассказа «Суслик»	12
3.1.1. Мать-Земля и детский суслик	12
3.1.2. Всемирный потоп и образ религиозного животного	12
3.1.3. Идентификация и сочувствие	14
3.2. Животное чтение Хрюши	15
3.2.1. Животное и человеческая телесность	15
3.2.2. Смешивание границ человека и животного в Хрюше	16
3.2.3. Идентификация и сочувствие: общая уязвимость через общую телесность	17
3.3. Соединение анализов двух рассказа	19
4. Заключение	21
Список ссылок	21

1. Введение

Темой данной работы является репрезентация нечеловеческого животного в отношении к человеку в рассказах Светланы Василенко, *Хрюша* и *Суслик*. В обоих рассказах интересным образом используются животные и животные тропы. Хотя в рассказах есть и другие центральные темы кроме животного, например, гендерный социальный аспект рассказов, мы предполагаем рассматривать прежде всего проблему животного, так как этот вопрос меньше рассмотрен в предыдущих исследованиях.

Тема отношений между людьми и животными всегда актуальна: эти отношения проблематичны, животные играют большую роль в жизни человека и наоборот. Люди издавна строили своё представление о себе, обществе и культуре в значительной мере на сравнениях, связанных с животным или нечеловеческим миром, время от времени забывая, что они и сами являются частью категории животного. Люди всегда изображали животных в искусстве, и человек дает животному много значений в разных культурных концепциях. В настоящее время предметом общественной дискуссии становятся такие вопросы, как права животных и их эксплуатация, и это заставляет в большей степени обращать внимание на вопросы, связанные с животными.

1.2. Светлана Василенко

Автор выбранных рассказов *Хрюша* и *Суслик*, Светлана Владимировна Василенко родилась 24-го января 1956 года, в городе Капустин Яр. В 1983 году Василенко закончила Литературный институт им. А.М. Горького, отделение прозы, и в 1989 году закончила высшие сценарные и режиссерские курсы. Василенко известна, например, киносценариями, рассказами и романом *«Дурочка»*. Она была одной из важнейших фигур движения женщин-писательниц, группы «Новые амазонки», которая была создана в перестроечное время, и составительницей нескольких литературных сборников женской прозы и поэзии. С 1996 года она первый секретарь Союза российских писателей. (Трофимова, www.)

В своей прозе Василенко рассказывает об обычной жизни простых людей, но мотивы и темы поднимаются из табуированных аспектов жизни, особенно жизни женщин. Многие ее произ-

ведения включают и биографические элементы. В настоящее время Василенко публикуется редко. (Трофимова, www.)

1.3. Тема животного в творчестве С. Василенко

В 2000 году был опубликован сборник прозы *Дурочка* (изд. Вариус, 2000). Этот сборник включает и "животную трилогию": рассказы *За сайгаками*, *Суслик* и *Хрюша*. В рассказах тема животного переплетается с темами гендерного, женского, смерти и телесности. Проблемы антропоцентризма и андроцентризма обсуждаются во всех трех рассказах. Эти темы уже обсуждены в работах Ирины Савкиной. Савкина пишет в своих статьях "Запах матери: гендер и социум в рассказе Светланы Василенко *Хрюша*" (2014) и "Жизнь, смерть, вечность: животное и женское в рассказе С. Василенко *За сайгаками*" (2015) о роли животного в описании трудности жизни маргинального человека и в женской самоидентификации.

1.4. Рассказы, выбранные для анализа

Из "животной трилогии", обсуждаемой в предыдущем параграфе, в данной работе для анализа выбраны только *Суслик* и *Хрюша*, потому что тема животного в рассказе *За сайгаками* более исследована (Савкина, 2015). *Суслик* первоначально опубликован в Журнале LRS, 1992, No 9 (Paris), *Хрюша* в журнале *Новый мир*, 1997, No 9.

Фабула более короткого рассказа, *Суслик*, такая: Пионеры выходят в степь выливать сусликов из норок. Мокрый, маленький суслик выползает из норки, глядит на мир и небо, потом смотрит на людей, сгрудившихся над ним, сначала влюбленно, а потом по-другому: он как-то знает, что ему не вырваться. Пионеры шестого класса в тот день убивают двадцать два суслика и это ставит их на первое место по заготовке шкур. (Василенко www.)

Рассказ *Хрюша* включает в себе много уровней и возможности интерпретации темы отношений между матерью и ребенком, а также женского, животного и телесности. Его фабула такая: героиня, молодая женщина, приезжает в закрытый город, где живут ее мать и трехлетний сын. Мать-инженер бедна, и она завела свинью, Ваську, чтобы выжить. В закрытом городе запрещены всякие "грязные животные", и героине стыдно, что у матери свинья, так как в городе все на виду. Героиня ненавидит свинью и хочет только, чтобы ее зарезали. Сын героиня называет свинью "Хрюша" и для него свинья больше друг, чем мясо. Когда зарезанного

Ваську моют, оказывается, что у свины соски, она самка, а не кабан. Героиня хочет, чтобы сын увидел убой и понял, что ”жизнь такая”, но сына это все очень потрясает. (Василенко www.)

1.5. Исследовательские вопросы и подходы

Главными вопросами данной работы являются следующие: Какая в рассказах *Суслик* и *Хрюша* репрезентация отношения между нечеловеческим животным и человеком? Из этого следуют еще многие другие вопросы, и один из них: есть ли у животного голос, является ли животное субъектом или оно используется только как средство самоидентификации человека. На этой проблеме мы предполагаем сконцентрировать особое внимание.

Исследования животных — направления, которые исследуют животных в разных культурных контекстах. Это направление поднимает вопросы о границах и отношении между людьми и другими животными, и об этическом отношении человека к другим животным. В исследовании животных в литературе уделяется более пристальное внимание на то, как животные репрезентированы в художественных текстах. (Lundblad 2017: 1-5) В теоретической части обсуждаем глубже понятия, центральные для исследования животных в литературе, и те средства, которые особенно нужны для настоящей работы.

2. Теоретическая рамка и ее увязка с целями работы

В 70-х годах, когда в гуманитарных науках Европы и США появился сильный интерес к угнетаемым группам и, в том числе, животным, возникла междисциплинарная область *исследования животных*, которые, в широком значении, рассматривают позицию животных в обществе и в разных социокультурных и экологических перспективах. (Хитров, www., Paul Waldau, 2013: 10)

Одно из важнейших понятий исследований животных — специзм, дискриминация по видовому признаку. Это значит то, что человек вредит другим существам и оправдывает это тем, что они существа другого вида. Кэри Уолф (Cary Wolfe) описывает это понятие во Введении своей работы *Animal Rites* и причисляет его к категориям расизма и сексизма.

Согласно ему, специсизм — систематическая дискриминация животных, не являющихся людьми. (Wolfe 2003: 1)

Антропоцентризм является другим важным понятием, и он значит буквально, что человек в центре. С антропоцентрической точки зрения человек в середине природы нашей планеты, и он каким-то образом выше всех других. В западной философии человек часто считается существом между животным и богом в космическом порядке, и он имеет возможность совершенствования своей природы, и таким образом может так стать повелителем природы. В антропоцентрическом смысле животные, может быть, страдают, но это не так важно как человеческое страдание или совсем не важно, потому что другие животные не имеют морального статуса. Даже когда животному дают какой-то моральный статус, определение статуса часто основывается на том, в какой мере способности животного напоминают способности человека. (Gary Steiner 2005: 1-2, 203)

Исследования животных стараются смотреть на мир без таких предубеждений, ломать специсистические структуры, поднимать вопросы о границах между людьми и другими животными и искать ответы и заключения, полезные для всех животных. Исследования животных предполагают, что не только у человека имеются моральные обязательства по отношению к животному, а что у животного есть и свои права: он субъект и у него своя жизнь. (Waldau 2013)

2.1. Исследование животных в литературе

Чтобы основывать анализ художественного текста в данной работе на базе теории, мы должны присмотреться к направлениям и методам анализа животных в литературе. Теоретическая основа данной работы состоит из некоторых статей и произведений нескольких авторов, которые принимают участие в дискуссии о животных в литературе и культуре или мысли которых могут быть приспособлены к исследованию животных. Главные тексты, которые мы будем использовать: *"Animal Rights and the Politics of Literary Representation"* Джона Симонса, *"Passing the Cattle Car. Anthropomorphism, Animal Suffering and James Agee's 'A Mother's Tale'"* Йоуни Тейттинена и *"At the Heart of the Home: An Animal Reading of Mikhail Bulgakov's 'The Heart of a Dog'"* Эрика Фудж. Эти произведения

рассматривают вопросы о Другом, репрезентации, символах, антропоморфизме, субъективности животного и ”животном чтении”.

2.2. Различие животного и дуализм человек—животное

По данным Стюарта Холла, значение строится через различия. Значение — зависимо от противоположного ему, и значение всегда строится на том, чем оно *не* является. Из-за этого, человеку трудно не смотреть на мир без дуализмов, хотя они не всегда достаточные, и они дают слишком одностороннее впечатление о мире. Мир и значения кажутся ясными, если противоположные категории не смешиваются друг с другом, и таким образом сохранение дуализмов выглядит полезным. Культура -- это символический порядок, в которой социальная группа создает свою самоидентификацию и ценности в процессе различения от другого. Другое — опасное, потому что оно угрожает порядку культуры. Категории *мы* и *другие* важно оставлять чистыми и ясными, и поэтому важно поддерживать их символические границы и соблюдать дуализмы, чтобы порядок не изменился и табу не нарушали. (Stuart Hall 1997: 1-5, 234-238)

Один из таких дуализмов в культуре, часто представленный и смешанный в литературе — это дуализм человека и животного. Как и многие другие дуализмы, он не является нейтральным: одна сторона — человек — доминирующая, и во многих случаях использует другую. Символические границы между животным и человеком поддерживают идентичность человека и чистоту человека как категории. Смещение этих границ в литературе ставит дуализм под вопрос. В процессе поиска сходства и различия символические границы и отношения между человеком и животным *другим* существуют в постоянных «переговорах» идентичностей. (Stuart Hall 1997: 234-238, Cary Wolfe 2003: 1)

2.2.1. Животное — Другой

Кери Уолф, в своей книге *Animal Rites*, ссылается на работу философа Стэнли Кавелла и пишет, что наше отношение к животным является индексом того, куда мы относим себя в области непохожести и как мы вообще относимся к *иному*. (Wolfe 2003: 5) Животное — экстремальный Другой, потому что у него абсолютно нет возможности участвовать в дискуссии о своем положении в порядке. Из-за этого оно часто в литературе служит в качестве символа

чего-то человеческого маргинального или табуированного, например женщин или телесности. (Simons 2002, 85-90)

Текстуальных животных можно интерпретировать, например, как аллегории политики или символы человеческого Другого, но в исследовании животных, в которое входит и данная работа, более важно сосредоточиться на чем-то другом. Один из главных вопросов нашей работы: есть ли у животного голос в рассказах Василенко? Кэри Уолф предлагает в своей книге *Animal Rites*, чтобы мы не всегда полагали, что субъект — человек. Согласно ему, дуализм человека и всех нечеловеческих Других нельзя принимать как должное. (Wolfe 2003: 1, 124) По нашему мнению, чтобы животное можно было репрезентировать как субъект, дуализм животного и человека необходимо нарушать в тексте, так как субъективность — для которой обязательные, например, чувства и намерения — традиционно прежде всего считается качеством человека. Нам интересно, как дуализм животного и человека нарушается в рассказах, и как это влияет на природу репрезентированного отношения между человеком и животным.

2.3. Репрезентация

Джон Симонс показывает в своем произведении *Animal Rights and the Politics of Literary Representation* (2002) разные подходы к репрезентации животных в литературе. Он, как и Уолф, предлагает уделять такое же внимание репрезентации животных как репрезентации человеческих угнетенных социальных групп. (Simons 2002: 5). Репрезентация — это средство, с помощью которого можно показывать или передавать повторения чего-то более оригинального, то есть, представлять что-то (www). Вопрос репрезентации и его этических и эпистемологических аспектов вызывает у исследователей затруднения. Представляется спорным, как вообще можно репрезентировать животное и возможно ли нам как людям представлять себе, какова жизнь нечеловеческого животного.

Симонс считает, что хотя репрезентация является средством человека, и специцизм является неизбежным когда животные используются в качестве символов или они антропоморфные, использование этого средства может быть сочувствующим к нечеловеческому животному и ставит дуализм животное—человек под вопрос. (2002: 85, 116).

По данным Симонса, нечеловеческий опыт может быть представлен в литературном тексте, и читатель может сравнивать этот *представленный* животный опыт со своим человеческим опытом и проявлять сочувствие к животному (2002: 86). Часто кажется необходимым писать о животных с человеческим терминами. Такое воображение ведет нас в область, в которую естественные науки не ведут. В своем произведении Симонс рассматривает три аспекта репрезентации: символ, антропоморфизм и трансформацию. В данной работе важно определить два из них: антропоморфизм и символы.

2.3.1. Животные символы

Согласно Стюарту Холлу (1997: 1-5), значение продуцировано в разных социальных и культурных взаимодействиях, и одной из таких процедур является литература. Один из способов производить значения — ”присвоение” вещей, включение их в ежедневные ритуалы, процедуры и нарративы. Элементам материального мира можно дать значительность, используя их в определенных функциях. Например, красный цвет может значить ”стоп”, ”кровь” или ”любовь” в разных концепциях. Такой элемент станет средством значения, *символом*.

Животные в культуре и литературе использованы таким же образом. Они рассматриваются как вещи, у которых самих по себе нет значения, но которым можно дать значение, например, с помощью нарративов, построенных вокруг них. (В литературе) их значения сконструированы и продуцированы через язык, к которому у них нет доступа. Рассматривать животных в качестве лишь символов и средств значения — проблематично, потому что на самом деле у животных есть свои жизни с своими ”значениями”: они не просто биологические машины, а живые существа, которых мы не можем полностью понимать.

Символическая ценность животного для человека (например, политическая аллегория), по данным Уалдау, не является самым центральным вопросом в исследовании животных. Например, рассмотрение страдающего животного только с перспективы его символического значения для человека — бедное исследование животного, и оно включает в себе предупреждение, что животному необходимо иметь какую-то человеческую ценность. Такое использование и исследование символов укрепляет позицию антропоцентризма и специцизма. (Waldau 2013: 127-136) (Fudge 2009)

Эрика Фудж пишет в своей статье о животных символах и более широко о том, как интерпретировать текстуальных животных. По ее мнению и мнению Симонса, аллегорическое чтение животных, в котором животное заменено человеком, только укрепляет мысль о центральной роли и стабильности человека. Но когда мы пытаемся увидеть, как текст рассказывает что-то о реальном отношении между человеком и животным, он может раскрывать, как категории животного и человека культурно конструированы. В исследовании животных нельзя обращать внимание только на людей, которых животные символизируют, а надо пытаться поставить животное в центр интерпретации. Фудж называет этот способ интерпретации "животное чтение". (Fudge 2009, Simons 2002: 119)

2.3.2. Антропоморфизм

Симонс называет репрезентацию животного с характеристиками человека, или чертами, которые считаются человеческими, антропоморфизмом. Антропоморфизм интересен, по данным Симонса, потому что он приведет текстуальное животное в такую дискурсивную сферу, в которой о нечеловеческом животном можно говорить так, что его как бы можно было понимать как человека. (2002: 116)

Симонс использует термина *strong anthropomorphism*, "сильный антропоморфизм", в значении такого антропоморфизма, который *нуждается* в животном чтобы путать границы животного и человека и сказать что-то важное об отношении животного к человеку. (Simons 2002: 120-130, Teittinen 2016: 212)

Антропоморфизм может и предполагать, что человек и другие животные не так сильно отличаются друг от друга. Например, у животного, может быть, есть какие-то "человеческие" черты, например, эмоции и намерения (Симонс 2002: 116-117). Также Йоуни Тейттинен считает, что антропоморфизм можно понимать как смешивание черт человека и *другого* животного. Так (сильный) антропоморфизм бросает вызов границам между человеком и животным и становится уже чем-то большим, чем просто текстуальное средство: более комплексной *постановкой вопроса* репрезентации и мышления. Согласно ему, когда, например, в тексте животному дают чувства страха, текст описывает не столько реальное животное, сколько чувство страха (которое читатель может понимать) и предполагает, что животное тоже может

иметь такой опыт, то есть, животное может иметь свою субъективность. (Тейттинен 2016: 212-215)

Согласно Симонсу, хотя казалось бы, что у нас нет общих/сходных эмоций, черт или характеристик с животными, можно все-таки утверждать в защиту антропоморфизма, что он делает животное, хотя бы в творческом мышлении, в какой-то мере узнаваемым. Такая репрезентация может быть важной, потому что в антропоцентрическом мире трудно дать моральный статус животному, если в нем невозможно видеть ничего человеческого. Симонс признает, что такое предположение возможно считать наивным и опасным, но он заметит, что нарративы — имеют власть, и они влияют на то, как люди думают о других животных. Антропоморфизм как средство репрезентации может в нарративах дать нам возможность представлять себя как животных и животных как нас, и это уже шаг в направлении сочувствия. (Симонс 2002: 117-118)

2.4. К анализу рассказов

Нам в данной работе не важно, насколько реалистическим является изображение животных или как близко или далеко от реальных животных являются животные рассказов. Мы стремимся рассматривать и анализировать, как рассказы можно интерпретировать с помощью упомянутых выше концепций, формулировать животное чтение *Суслика* и *Хрюши* и найти пути к ответам на вопросы, представленные ранее. Ответы будут яснее сформулированы в конце анализа и в выводах работы. Чтобы анализировать репрезентацию, нам следует исследовать и интерпретировать животные символы и антропоморфизм, и определять, как категории животного и человека смешиваются в рассказах (особенно в *Хрюше*). Предполагаем рассматривать, как антропоморфное мышление путает границы человека и животного, как символы интерпретируются с точки зрения репрезентации отношений между человеком и животным. Мы называем это ”животное чтение”, по Эрике Фудж (www, 2009). Это означает чтение, которое ставит животное в середине интерпретации.

3. Аналитическая часть

3.1. Животное чтение рассказа «Суслик»

Начнем с рассказа, опубликованного ранее: *Суслик*. В рассказе суслик показан с точки зрения пионерки шестого класса. Суслик антропоморфный в двух смыслах: он как ребенок, младенец, и с другой стороны, в рассказе описывается образ религиозного животного. Будем рассматривать антропоморфизм и определять, какие значение антропоморфные образы животного носят в отношении к человеку. Элементы жестокости, идентификации и сочувствия будут также обсуждены в анализе рассказа. В обсуждении сочувствия будут важными фокализация и точка зрения.

3.1.1. Мать-Земля и детский суслик

В рассказе суслик появится, когда пионеры льют хлорированную воду в норки, в которых суслики живут. Норка в земле как *"по-детски круглый рот земли"*, которому пионеры не дают продыху, а льют и льют воду, забыв, зачем. Суслик как будто родится из норки, из земли, и в начале суслик описывается как ребенок:

Он выполз на божий свет мокрый, дрожащий, маленький, будто только родился у нас на глазах из чрева земли, — и застыл, очарованный. (Василенко [www](#)¹)

Земля в рассказе не просто земля: она мать всей природы, с которой суслик — как ее ребенок — живет в гармонии. А люди в рассказе — тоже дети — приносят с собой поливальную машину, нарушают целостность природы и оставят позади химический, неестественный запах хлорки. Символ мать-земли, связывается с образом детского суслика. Земля дает суслику защиту, и суслик радуется целостности природы: *"Главное, что мир — цел."* (Василенко [www](#).)

3.1.2. Всемирный потоп и образ религиозного животного

Религиозный мотив и в том числе мотивы потопа и апокалипсиса вполне важны для анализа позиции и репрезентации животного в рассказе. Миф всемирного потопа — известен во многих религиях. Центральная мысль мифа: Бог видит, что люди не хорошие, и решает утопить их всемирным потопом, за исключением одного хорошего человека и его семьи. В потопе

¹ Все цитаты из Василенко по этому изданию: (http://magazines.russ.ru/novyj_mi/1997/9/vasilen.html)

умирают и все животные, исключая тех, которых человек возьмет с собой в большой корабль. В этом рассказе у мифа особая роль в толковании отношений между человеком и животным. В рассказе упоминается *Божий мир*. Это целый, красивый мир, это святая целостность, которой человеку надо защищать.

Антропоморфный образ "религиозного животного" строится таким образом: После того, как суслик выползает из норки, ему окажется, что *Божий мир* — цел, а не уничтожен. Мокрый суслик делает своими "руками" жесты, которые выглядят молитвенными в глазах ребенка. Суслик понимает, что выжил в потопе, и он как бы молится, хвалит своего Бога:

Подняв свою душу на задние лапы, он молитвенно сложил свои ручки на груди и, закинув голову, блаженно, подслеповато щурясь, поглядел на солнце.

Мир был цел.

Он тихо свершил свой намаз.

А что может этот антропоморфизм сказать о жизни животного в отношении к человеку? Для суслика хлорированная вода в норки казался как "*всемирный потоп*" или "*конец света*". Когда ему кажется, что это не конец, он благодарит своего Бога за то, что мир — цел, и он жив. Он смотрит на небо и солнце, радуется тому, что природа — его дом — неуничтоженная. Только тогда суслик увидит людей, окружающих его:

И только тогда поглядел он на нас, сгрудившихся над ним людей.

Он и на нас посмотрел сначала влюбленно, радуясь за нас, что мы живы, что вышли сухими из воды, целы и невредимы после такого потопа.

Но радость суслика не долго длится:

И еще раз посмотрел. Но уже не так: деловито огляделся и понял — не вырваться.

Только потом ему понят, что потоп — не конец, а это было только намек того, что ждало впереди: человек. Не религиозный апокалиптический потоп является концом света, -- это человек тот, кто приносит конец.

Животному естественно жить в гармонии с природой, с Божьим миром, это его дом, но человек стал чужим, даже угрозой для природы. Дети рассказа выливают хлорированную воду в глубины земли, чтобы собирать шкурки. Как они наливают воду в норку, они совсем забывают, что они делают и кто живет в норках. То, что естественный и живой суслик выползает из норки, почти сюрприз. Животному самое важное — чтобы мир был цел и его не разрушили, а людям — победить в конкурсе.

3.1.3. Идентификация и сочувствие

Все-таки, в рассказе можно найти больше, чем просто жестокость человека и невинность животного. Если рассматриваем фокализацию рассказа, можем найти и знаки сочувствия, и этот момент важен. Фокализаторы рассказа — пионер шестого класса, который с другими пионерами выходит в степь охотиться на сусликов, чтобы забирать шкурки, и суслик. В рассказе пионер, представляет себе, как это все чувствует *суслик* и какой ситуация кажется *суслику*. Антропоморфизм и антропоморфная репрезентация животного необходимы, чтобы животное могло быть фокализатором. Когда суслик появится в рассказ, фокализация изменяется: описывается представленный опыт суслика:

Что ему там причудилось, в его извилистой земляной тьме, по которой, воя от ужаса, металась его детская душа и ее со всех сторон настигала наша человеческая хлорированная злоба, наша ледяная ненависть, просачиваясь во все закоулки и убежища: всемирный потоп? конец света?

Этот опыт с религиозными аспектами довольно эксплицитно представленный пионером, но показывает антропоморфизм интересным образом и ставит под вопрос, является ли антропоморфизм возможностью понимать животного или дать ему голос и субъективность в фокализации. Вопрос трудный, потому-что все-таки это человек, кто репрезентирует животного и дает ему голос.

В рассказе, когда суслик смотрит на людей, происходит что-то интересное:

Он и на нас посмотрел сначала влюбленно, радуясь за нас, что мы живы, что вышли сухими из воды, целы и невредимы после такого потопы.

И еще раз посмотрел. Но уже не так: деловито огляделся и понял — не вырваться. И обреченно залег: берите. Главное, что мир — цел. И закрыл глаза.

Смотря на суслика, человек представляет себе как суслик сам видит его. В тот момент акцент переносится с "я смотрю" на "на меня смотрят". Это конкретный момент самоидентификации, но также момент идентификации с Другим, момент понимания, что это существо также смотрит на меня, и у него, может быть, свои представления обо мне. Хотя то, как пионер интерпретирует поведение животного как намаз или молитву — немного наивно, то, что передается читателю через этот антропоморфизм, скажет намного больше об более общих отношениях между человеком и животным.

В конце рассказа мы узнаем, что они, пионеры шестого класса вышли на первое место по заготовке шкурок, а самое убийство суслика и его смерть не показаны. Может быть, что этот опыт и это воспоминание для рассказчика слишком болезнен. Суслик, в конце концов, умер,

но в рассказе можно найти "каналы" к ему собственному голосу с помощью рассматривания антропоморфизма и символизма.

3.2. Животное чтение Хрюши

Хрюша — довольно сложный и многосторонний рассказ. Он включает в себя множество возможностей для интерпретации, и его можно рассматривать из различных перспектив. Главное, может быть, не опыт и позиция животного, но описание свиньи и ее присутствие в рассказе играют большую, необходимую роль. Предполагаем уделить особое внимание репрезентации животного: обоих человеческого и нечеловеческого: как оно описывается, как к животности относятся персонажи рассказа и особенно на то, что телесность животного и человека соединяет их. Будем рассматривать, как черты человека и животного смешиваются, в антропоморфизмах и в моментах, когда черты животного описывают человека. Аспекты страдания и межвидового сочувствия будут обсуждены в конце анализа.

3.2.1. Животное и человеческая телесность

И человек и животное в рассказе в большей степени телесные существа. Отношения между героиней и другими персонажами в многих мест текста показаны именно через телесные черты. Например, стыдное и сложное отношение к маме появляется в текст в форме запахов, дыхания, ключиц и платья между ног. Также отношение к сыну показано очень плотно, и чувства героини и сына соединяются с телесными реакциями. Например, героиня чувствует ненависть сына в том, как его горло пересохнет. Встречи между мамой, героиней и сыном описываются с использованием многих выражений, которые интересным образом говорят о том, что отношение между матерью и ребенком изначально именно телесное, также в том смысле, что ребенок — плоть и кровь своей матери.

Свинья и человек в рассказе репрезентированы похожими в том смысле, что у обоих телесность является неизбежной основой существования. Касание тела может быть интерпретировано как касание и поиск границ между собой и. В *Хрюши* символические и физические границы человека и животного, и также границы любви и насилия путаются в акте касания. Объятие матери — любовное и спасательное, но также принуждающее и связывающее. Хотя

тело сына бьется и он старается избежать касания матери, героиня не дает ему свободы. Мать любит сына животной инстинктивно.

Тело свиньи и насилие к ней символично соединяется с материнском телом, и как пишет И. Савкина (2014) в своей статье «Запах матери: гендер и социум в рассказе Светланы Василенко *Хрюша*», убийство свиньи — символическое материнское убийство, освобождение от тела матери. Героиня переносит негативное чувство стыда к матери на животное подсознательно. После смерти свиньи ее запах все-таки остается жить и будто переходит в героиню, которая в свой очередь попадет в роль ненавистной матери. Это делает более запутанным то, что героиня сама в рассказе сильно похожа на животное, и то, что ее сын любит это конкретное животное. Свинью можно понимать как нечто большее, чем носитель значения или объект проекции чувств человека. Свинья и человек, как отмечалось и раньше, также похожи друг на друга.

3.2.2. Смешивание границ человека и животного в *Хрюше*

В рассказе есть много пунктов представления и человека и животного как инстинктивных и телесных. Для наших целей в настоящей работе важно анализировать этот аспект рассказа. Нам интересно, как дуализм категории животного и человека нарушается и что вообще значит быть человеком или животным. Это все начнется с первой же страницы:

Мама испуганно начала обнюхивать свои плечи, поворачивая голову то в одну сторону, то в другую, приближая нос к ткани, быстро и коротко несколько раз вдыхая в себя воздух.

Здесь мама героини нюхает себя, старается найти вонь свиньи, и это описывается как бы сама свинья себя обнюхивала. Немного позже, когда дочь и мать идут домой, мама опять описывается как животное, на этот раз как собака:

Я слышала частое дыхание мамы, оно становилось все короче и отрывистей, и в какой-то момент мне показалось, что за мной бежит собака, и это неприятно поразило меня, и я побежала еще быстрее, не глядя под ноги и все ожидая, что споткнусь и упаду.

Героиня закричит на свою маму, когда мама добежит до нее. Она кричит маме, чтобы освободиться от нее и от стыда, и как будет обсуждено, от телесности и животности.

Человек и животное в рассказе очень похожи друг на друга. Они почти одинаково инстинктивные, и в их поведении найдется сходство.

Я хозяйкой входила в свой двор, я улыбнулась, услышав знакомый сладковатый запах мочи моего сына у порога, я уклонялась от длинного тяжелого хвоста Феньки, который обрадовался мне,

я хватала его за загривок и говорила ему: “У, крокодил, узнал!” — и он осторожно хватал мои руки зубами.

Когда героиня придет во двор своей мамы, она узнает запах мочи сына, и сразу после этого собака узнает ее, наверное, тоже по запаху. Знакомый запах — удобный и радостный для обеих, и собаки и человека. Другой интересный момент — героиня *слышит* этот запах. Синестезия в этом контексте поднимает вопросы о человеческих и животных чувствах; как собака чувствует запахи и как наши понимания мира различаются из-за наших различающих обоняний? Это приглашает читателя поразмыслить, каким может быть опыт животного. Следует больше обсуждению запахов:

На меня пахнуло ветром, меня окатило острым неприятным запахом, я стояла не двигаясь, словно облитая из окон своего же дома, в своем саду помоями... Мой сад, где все мне знакомо, где каждый гвоздь и каждый запах на учете в моей памяти, — все пропахло этим чужеродным (и мама, и мама!) мерзким запахом...

Наша героиня нюхает этот странный запах и чувствует присутствие другого животного. Она придет в свой двор как на свою территорию, и чужие запахи означают угрозу. Ненавидя Ваську — живую нечисть — она в то же время сама является животным, *хищником*, зависимым от своих чувств и своего тела и телесности. Для нее свинья похожа на дикого зверя, и когда ее сын старается приблизиться к свинье, она быстро, инстинктивно возьмет его на руки

И, схватив сына на руки, побежала в дом, уносила его, как уносит самка своего детеныша, беспрестанно целуя его, словно облизывая, — подальше от опасности.

Целовать сына, *словно облизывая*, опять маркирует животность и телесность человека.

3.2.3. Идентификация и сочувствие: общая уязвимость через общую телесность

В рассказе можно найти элементы самоидентификации человека, но также идентификации *другого* и сочувствия к *другому* животному. Животные в рассказе — телесные, но и чувствующие существа. Они знают, что случится вокруг них и у них есть свои чувства и намерения.

Перед смертью Васька чувствует, что все не в порядке.

Свинью решили выгнать из-за перегородки и тут, на чистой земле, повалить. Но Васька не выходил из своего дощатого домика. Забившись в угол, он грозно рычал. Не вышел он и тогда, когда мама налила ему помой.

— Чувствует, — сказала мама радостно.

Также когда свинью повалились, и героиня ползет по телу свиньи к горлу, чтобы собирать кровь, она чувствует *своим телом*, как ”перекатываются ее напряженные мускулы, как каждая клетка ее хочет жить, как звенит ее тело изнутри от визга.”

После того, как свинью зарезали, что-то в атмосфере изменяется.

Я задала корм кроликам, но они, всегда такие прожорливые, сегодня почему-то не выходили; я заглянула к ним. Они сидели у задней стенки друг на друге в три этажа и часто дышали- дрожали. Даже они почувствовали смерть!

Кролики чувствуют, что кто-то умер. Героиня долго смотрит на мертвую свинью. В этот момент она, может быть, понимает, что она обвиняла свинью за что-то такое, за что та не несет ответственности.

Она лежала совсем другая, чем та, которую я привыкла видеть. Не было ни злобно-умного глаза, ни прищуренного левого, глаза ее были тихо закрыты. Не было хищной вытянутой морды, лицо ее, именно лицо, обмякло, было спокойно. Запекшиеся от крови губы были сложены в чуть заметную улыбку.
Я долго смотрела на нее.

У свиньи лицо, ”*именно лицо*”, и это антропоморфное замечание героини позволит нам понимать, что героиня наконец чувствует, что у свиньи была своя личность, и она идентифицирует в свинье что-то знакомое, что-то похожее на себя. Потом, когда свинью моют, героине открывается, что у них еще больше общего:

И когда по бокам стекла грязная вода, мы увидели вдруг на мягком белом животе розовые, беззащитные соски, наивно и жалко торчащие. Это была *она*, а не Васька, мне ведь даже в голову это раньше не приходило: все Васька да Васька.

Сын героини больше всего проявляет сочувствие к свинье, *Хрюше*, как он ее называет. Он смотрит, как свинью зарезают, и него этот опыт — травматический.

И мой сын, оцепенев, смотрел, как вываливаются из нутра жемчужные перекатывающиеся кишки, темно-красная дрожащая печень, белый, в сиреневых прожилках, тугой скользкий желудок, и спокойно, как мне казалось, повторял: “Хрюшу зарезали, хрюшу зарезали...” (Откуда мне было знать тогда, что он это будет вспоминать целый год, потерянно повторяя: “Хрюшу зарезали”, — и эта разрезанная хрюша будет сниться ему целый год, а может быть, целую жизнь?)

Героиня хочет, чтобы сын увидел все, потому что она в начале думает, что он должен стать таким мужчиной, как и дядя Коля, который может без сострадания убивать всяких животных.

А еще была смутная мысль, даже не мысль, а ощущение, что мой сын не должен быть похож на женоподобных моих ровесников, которых тошнит от одного вида отрубленной головы петуха. Он должен быть мужчиной, чтобы смог сам зарезать свинью, пристрелить больную собаку и убить ударом кулака в лоб кролика, как дядя Коля. Поэтому я его не прогнала.

Антропоцентрическое и андроцентрическое мировоззрение станет видимым и проблематизированным в отношениях героини и сына со свиньей. У ребенка естественная возможность проявления сочувствия к животному. Героиня сама помнит, как она была ребенком, и увидела, как ее крестный зарезал свинью перед ее глазами, и как она после этого ненавидела своего крестного. Но у взрослого, особенно у мужчины, эта черта считается сентиментальной и слабой. Сочувствие к свинье кажется героине наивным, женственным и маркером слабости, до того времени, когда в конце рассказа она понимает, что ее сын — прав, и ему не надо вырасти и стать таким мужчиной. В свинье как бы переплетаются животность, женственность и телесность, те черты материнства, которых героиня стыдится, но когда свинью зарезали, героиня увидит, что свинья не виновна, а похожа на нее. Она может идентифицироваться со свиньей, и понимает, что ее собственное стыдное отношение к телу, животности и женственности — навредит тому, что она любит: сыну и маме, потому что отношения между ними — животные и плотские/плотные в своей сути.

3.3. Соединение анализов двух рассказа

Отношения между человеком и животным в рассказах Светланы Василенко *Суслик* и *Хрюша* репрезентированы проблематичными и сложными. В них антропоцентризм подставлен под сомнение, и поведение человека по отношению к животному представляется жестоким. В обоих рассказах антропоморфизм и символизм, связанный с животным, может быть интерпретирован как предложение смотреть на животных по-другому. Чтобы немного соединять анализы рассказов, рассмотрим их сходства и различия.

В обоих рассказах человек убивает животного. В *Суслике* жестокое убийство не описывается, а в *Хрюше* подробно описано, как свинью зарезают. И в *Суслике* и *Хрюше* происходит процесс редуцирования животного в продукт: шкурку или мясо. Этот процесс представлен жестоким, негуманным, и позиция человека как повелителя природы разрушена: он не может "совершенствовать" свою природу, так как он сам является животным, зависимым от своих чувств и телесности, и поэтому его попытка стать правителем природы на самом деле делает его меньше человеческим (если понимаем моральные чувства как общие для человечности). (Teittinen 2016: 217-218)

В *Суслике* антропоморфный образ религиозного суслика и символизм, связанный со всемирным потопом, строят много значений вокруг животного: человек хотел стать Богом и владеть природой, одновременно забыв, что его задание было защищать окружающую среду в Божьем мире. В *Хрюше* нам открывается мир телесности и животности человека, сложность и стыд материнства и женственности, -- все связаны вместе в образе свиньи, и эта свинья и сама живет и чувствует своим телом. Нам кажется, что в *Хрюше* общее телесность животного и человека дает человеку возможность понимать жизнь животного, понимать, что они, как и мы, хотят жить без боли. В *Суслике* антропоморфизм дает нам представленный опыт животного, через который мы можем понимать отношения между человеком и животным. Смешение границ человека и животного, антропоморфное мышление, как это называет Тейттинен (Nyman 2016: 212), предполагает, что мы не так сильно отличаемся от других животных. Наш взгляд и в результате исследования мы пришли к выводу, что антропоморфизмы в рассказах являются, по термину Симонсу, сильными, потому что их функция — представлять границы и отношения между человеком и животным спорными. (Simons 2002: 120-211)

Отношение между детьми и другими животными тоже обсуждено в рассказах. В *Суслике* это дети, кто охотится на сусликов, но ребенок в рассказе может, по-нашему мнению, искренним хотя наивным образом представлять себе опыт животного. В *Хрюши* ребенок, сын героини, любит свинью не зная и не понимая, что ее зарезают. Как мы отметили раньше, у детей может быть более гуманное отношение к животным, но для взрослого это социально не совсем уместно быть очень сочувствующим к животному, особенно, к тем животным, которых люди едят.

Это важно для поддержания и сохранения культурного порядка, что символические границы между людьми и животных Других (которых мы потребляем) остаются ясными. Если люди стали думать, что мы в конце концов не так отличаемся друг от друга, употребление, убийство и насилие по отношению к животным стали бы сложными, и это могло бы дестабилизировать категории человека и животного и потребовать изменений в культурном порядке и человеческом образе жизни.

4. Заключение

Задачей нашей работы было рассматривать следующие вопросы: Какая в рассказах *Суслик* и *Хрюша* репрезентация отношения между нечеловеческим животным и человеком, и особенно мы хотели узнать, есть ли у животного голос, то есть, является ли оно своим собственным субъектом или только средством самоидентификации человека.

Исследование рассказов Светланы Василенко *Суслик* и *Хрюша* основывалось на теории исследования животных, специально в литературе. Мы обсудили проблемы репрезентации животного, животных символов и антропоморфизма и используя эти понятия мы сформулировали ”животное чтение” рассказов, то есть мы толковали рассказы так, чтобы животное было в середине интерпретации.

В анализе оказалось, что животные образы Василенко связаны с множеством символизма и они антропоморфные, но особенным образом. Антропоморфизм в рассказах *сильный*: он предлагает передумать границы между человеком и животным. Можно сказать также, что в рассказах было уставлено и антропоморфное мышление, в котором черты человека и животного смешиваются, и мы интерпретировали это как смешивание категории животного и человека.

В этих двух рассказах Светланы Василенко, как нам кажется, человек дает голос другому животному. Это происходит с помощью сложно сконструированных символических значений, антропоморфных животных образов и смешения категорий животного и человека. По-нашему мнению, рассказы могут быть интерпретированы как попытки дать животному возможность участвовать в дискуссии со своей позиции. Для этого нужно использовать такие средства, как антропоморфизм и символизм — это язык, который трогает человека.

Список ссылок

Первичные источники

Василенко, Светлана. *Два рассказа*. (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/9/vasilen.html)

Вторичные источники

Hall, Stuart. 1997. *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. *Culture, Media and Identities*. SAGE Publications. London.

Simons, John. 2002. *Animal Rights and the Politics of Literary Representation*. Basingstoke. UK. Palgrave.

Steiner, Gary. 2005. *Anthropocentrism and Its Discontents*. University Pittsburgh Press. Pittsburgh.

Teittinen, Jouni. 2016. Passing the Cattle Car. Antropomorphism, Animal Suffering and James Agee's 'A Mother's Tale'. *Affect, Space and Animals*. *Routledge Human–Animal Studies Series*. Ed. Nyman, Jopi & Schuurman, Nora. Routledge. Abingdon, Oxon and Routledge. New York, NY., p. 210-224.

Waldau, Paul. 2013. *Animal Studies: An Introduction*. Oxford University Press. New York.

Wolfe, Cary. 2003. *Animal rites: American culture, the discourse of species, and posthumanist theory*. The University of Chicago Press. Chicago

Савкина, Ирина. 2014. Запах матери: гендер и социум в рассказе Светланы Василенко Хрюша. *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich*. Ред. Malej Izabella, Tyszkowska-Kasprzak Elżbieta. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. Wrocław, с. 329-336.

Савкина, Ирина. 2015. Жизнь, смерть, вечность: животное (и) женское в рассказе С. Василенко "За сайгаками". *Мортальность в литературе и культуре*. Серия: *Научная библиотека*. Ред. А.Г. Степанов, В.Ю. Лебедев. Новое литературное обозрение. Москва, с. 387-398

Материалы, опубликованные в Интернете

Fudge, Erica. 2009. At the Heart of the Home: An Animal Reading of Mikhail Bulgakov's The Heart of a Dog. *Humanimalia: a journal of human/animal interface studies*. 1:1. 10-23. (<https://www.depauw.edu/site/humanimalia/issue01/pdfs/Erica%20Fudge-b.pdf>) [Просмотрен 3.1.2019]

Tieteen termipankki: Kirjallisuudentutkimus: representaatio. (<https://tieteentermipankki.fi/wiki/Kirjallisuudentutkimus:representaatio>.) [Просмотрен 3.1.2019]

Василенко, С. *О себе*. (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/vasilenko/sebe.html) [Просмотрен 3.1.2019]

Светлана Василенко. (<http://magazines.russ.ru/authors/v/vasilenko>) [Просмотрен 3.1.2019]